

УДК 94(476.4)"1941/1944"(091)

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ВОСТОЧНОЙ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Агеев А.Г.

Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова, Беларусь

В данной статье нами впервые публикуются обобщающие данные обработанных материалов экспедиции МГУ им. А. Кулешова по изучению повседневной жизни населения Могилевской области в годы Великой Отечественной войны. Они, в частности, показывают, условия проживания сельского населения восточной Беларуси, образы немецких военнослужащих, полицейских и партизан в воспоминаниях свидетелей войны. Опрос, по сути, отражает женский и детский взгляд на войну. Применение методов социологии для выяснения исторических проблем позволяет прояснить многие спорные вопросы, в которых трудно определиться с помощью традиционных методов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, партизаны, немцы, полицейские, история повседневности, восточная Беларусь, Могилев, Шклов, Дрибин, Глуск, Могилевский государственный университет им. А. Кулешова.

**DAILY LIFE OF THE RURAL POPULATION OF EASTERN BELARUS
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Aheyeu A.R.

Mogilev State University named after A. Kuleshov.

Mogilev, Belarus

This article is the first to publish the summary data of the expedition of Mogilev State University named after A. Kuleshov on the study of everyday life of the population of the Mogilev region during the Great Patriotic War. They, in particular, show the living conditions of the rural population of eastern Belarus, images of German soldiers, policemen and partisans in the memories of war witnesses. The survey, in fact, reflects the views of women and children on the war. The use of sociological methods to clarify historical problems clarifies many controversial issues in which it is difficult to determine using traditional methods.

Keywords: Great Patriotic War, partisans, Germans, police, daily history, eastern Belarus, Mogilev, Shklov, Dribin, Glusk, Mogilev State University named after A. Kuleshov.

Традиционные для советского времени представления о жизни белорусского народа во время гитлеровской оккупации до сих пор широко

распространены в белорусском историческом дискурсе. Они безусловно отражают многие реалии военных лет, описывают военную действительность более полно, но концептуально мало отличаются от публикаций 1960-80 гг., а их основные постулаты незыблемы. Например, в них все население страдало от колониального режима «беззакония, насилия, грабежа и кровавого террора» и, за исключением кучки коллаборационистов, однозначно ненавидело нацистов и развернуло «всенародную борьбу против оккупантов» [7, С. 10-17; 8; 9]. Сегодня многим исследователям война видится несколько более сложным явлением, все чаще появляются публикации о неоднозначности ситуации на оккупированных территориях, приводятся факты партизанских акций устрашения населения и т.д. Очевидная противоречивость историографических парадигм и определенное несоответствие опыта выживания моей семьи тем вариантам, которые предлагала каноничная историческая версия, подтолкнуло нас к изучению проблемы.

С конца 1990 годов по нашей инициативе кафедра археологии и вспомогательных исторических дисциплин МГУ имени А.А. Кулешова организует экспедицию по изучению повседневной жизни населения Могилевской области в годы Великой Отечественной войны. Студенты сначала исторического, а позднее историко-филологического факультета во время проведения летних полевых практик ежегодно опрашивают свидетелей войны. Целью исследования было не опровержение существующих мифологем о Великой Отечественной войне, а проверка на массовом материале существующих в научной литературе оценок и массовых стереотипов.

Достаточно подробное ознакомление с методикой исследования было нами изложено на конференции 2011 г. в Витебске [3]. Тем не менее, для представлений о ней следует отметить, что уже во время первых сезонов экспедиции в 1996-1997 гг. были собраны типичные ответы на вопросы о жизни сельских жителей в годы оккупации. На базе их нами было разработано стандартизированное интервью с готовыми вариантами ответов на отдельные вопросы. Оно в известной степени позволило на массовом материале не только изучать особенности повседневной жизни на оккупированной территории, но и выявлять определенные исторические тенденции и закономерности, в частности оценить условия проживания сельского населения, выявить образы немцев, партизан и полицейских в воспоминаниях очевидцев. Фактически мы применяли методику полужакрытого опроса с возможностью дописать свой

вариант ответа. Нами опрашивалось взрослое население Могилевской области, которое проживало на оккупированной территории в возрасте старше 7 лет (1935 г. рождения и старше по возрасту). В 1998-2008 гг. были обследованы сельские населённые пункты Горецкого, Круглянского, Климовичского, Костюковичского, Краснопольского, Шкловского, и Хотимского районов.

С годами все больше нас стали интересовать не только количественные данные, но и ответы на вопросы «почему»? Накануне летнего сезона 2009 г. стандартизированное интервью нами было модифицировано. Оно обросло дополнительными вопросами, но при этом базовые вопросы оставались прежними, что позволяло уточнять и сравнивать полученные данные, искать причины полученных результатов. Как видно, мы действовали по методу «снежного кома», когда после первых исследований делаются наброски отчета, и выявленные при его написании нераскрытые вопросы вносятся в модернизированный гид интервью.

С 2009 года мы перешли к сплошному обследованию определенных сельских советов области. Это позволило сравнивать и проверять информацию в соседних деревнях и выйти на более глубокий уровень анализа. Для обследования были избраны два сельские советы (с/с): Старосельский Шкловского района и Княжеский Могилевского района. Первый находится в типичной для севера Могилевской области деревенской местности, второй – возле областного центра.

Выбранный для обследования в 2010 г. Рясненский с/с Дрибинского района в годы войны долгое время находился в прифронтовой зоне. Девять месяцев с 2 октября 1943 г. по 23 июня 1944 г. по реке Проня проходила линия фронта, а мирное население было эвакуировано как с советской, так и с немецкой прифронтовой зоны. Такая ситуация была типичной для ряда восточных районов Могилевской области. С самого начала обследования мною и студентами было замечено, что многие информанты в начале интервью обходили тему оккупации нацистами их деревень, а сразу переходили к рассказу о времени их эвакуации в 1943-1944 гг. на территорию Мстиславского района после освобождения от фашистов. Предположительно это было вызвано тем, что именно этот период остался в их памяти наиболее тяжелым за все годы войны. Информанты рассказывали, как в чужих домах без своей скотины им было трудно жить. В связи с более коротким, чем в других регионах области, периодом нацистской оккупации, воспоминания о немцах, партизанах тут менее

информационные. По сути, нами были собраны интервью жителей прифронтовой зоны [4].

Во время летнего полевого сезона 2011 г. была организована экспедиция в Глусский район Могилевской области. Выбранный для обследования регион в годы войны долгое время находился в тыловом районе группы армий Центр. По официальным данным Глусского райисполкома на территории района действовали 11 партизанских отрядов, объединивших свыше 1 200 бойцов. Это был «партизанский край». Во время проведения летней историко-краеведческой практики студенты провели опрос населения Завалочицкого и Катковского с/с. Они находятся на севере и юге Глусского района. Несмотря на относительно небольшое количество опрошенных общие тенденции, выявленные нами, снова подтвердились, что позволяет считать их достаточно достоверными [6].

В 2012 г. были целиком обследованы Бельниковичский и Бороньковский сельские советы, находящиеся в юго-восточной части Костюковичского района Могилевской области на границе с Брянской областью Российской Федерации. В дальнейшем опросы проводились в Горецком, Славгородском, Чериковском, Чауском районах. В данной статье нами впервые публикуются обобщающие данные уже обработанных материалов исследований.

Опрос показал, что большинство населения (85-90%) в годы оккупации большую часть времени проживало в своих домах. Хотя в регионах действия партизанских отрядов гораздо больше указаний на жизнь в землянках, пунях, шалашах, в болотах, концлагере «Озаричи» и т.д. Так, намного больше, чем в других регионах, информантов Глусского района вспомнили, что жители партизанского региона жили в землянках [6].

По мнению половины информантов основным средством существования в условиях военного времени было свое хозяйство, а еще более трети указало на «работу на земле». Единицы опрошенных указывали на торговлю или на наемный труд. Те, кто прятался в лесу от оккупантов, либо находился в семейных партизанских отрядах, выживали за счет деревни: «В партизанском отряде мы жили на то, что принесут с деревень...» (д. Мостище. Тут и далее в цитатах перевод с белорусского языка и диалектных говорок на русский автора) [6].

Голод. Опрос показал, что, несмотря на эксплуатацию ресурсов региона нацистами, во многих деревнях восточных регионов области самыми голодными были не военные, а первые послевоенные годы, когда три года

оккупации и две волны боевых действий разрушили сельское хозяйство, а колхозная система не позволяла ее быстро восстановить: «Земля наша (в 1944 г. - авт.) была засеяна, а наши пришли и забрали посевы в колхоз. Нам ничего не осталось. Мало осталось. Мы голодали. Гнилые картофельные блины ели» (д. Толпечицы); «Не сильно голодали, но после войны было хуже, а в деревне многие умирали от голода» (д. Булыжицы) [2].

На вопрос, «какие годы были самыми голодными?», нами были получены следующие результаты:

районы / варианты ответов	Глусский	Дрибинский	Могилёвский	Шкловский
	%	%	%	%
при немцах в 1941-44 гг.	19	11,5	19,6	25
одинаково	31	21,2	47,1	32
после освобождения в 1945-46 гг.	38,1	50	21,6	36
не помню, другие ответы	11,9	17,3	11,7	7

Надо отметить, что на востоке Могилевской области выявлена большая доля тех, кто посчитал, что наиболее голодными были первые послеоккупационные годы. В Рясненском с/с Дрибинского района половина информантов сочла такой ответ правильным, пятая часть выбрали ответ «одинаково», только десятая – «при немцах». Такую ситуацию можно объяснить тем, что во время оккупации в 1941-1943 гг. личное хозяйство крестьян еще не было так сильно истощено военными действиями, а пребывание в эвакуации стало большим испытанием. Несколько человек указало, что в эвакуации от инфекционных болезней и голода умерло много детей. Тем не менее, четверо жителей указали, что совсем не голодали, а один из них добавил, что «голод был до войны» [4].

В Глуском районе две пятых опрошенных посчитали, что очень голодными были первые послеоккупационные годы, треть выбрала ответ «одинаково», пятая часть – «при немцах». В этом районе есть и прямые указания на время голода: «После войны собирали пушки на картофельных полях... Лебедь, щавель собирали до 47 года. После 47-го стало лучше» (д. Мостище) [6].

В отличие от многих других регионов области, половина жителей Могилевского района (47,1%) сообщила, что они голодали одинаково как в

годы нацистской оккупации, так и в первые годы после освобождения, а число тех, кто считал, что голодали больше при немцах в 1941-1944 гг. (19,6%) и после освобождения в 1945-1946 гг. (21,6%), почти совпало. В этом регионе изредка, но чаще чем в других, встречаются воспоминания, что голода не было вовсе: «Наша семья не голодала. Как кому пришлось. Мы не голодали. Слахардииков не было, как сейчас, но молотили, пахали, свой скот имели. И после войне не голодали: власти паек давали» (д. Браково); «Были довоенные запасы. Гнилой картошки не ели» (д. Браково) [2].

Немцы. Воспоминаний о немцах лета 1941 года было собрано немного, фронт тогда стремительно откатился на восток. Некоторые информаторы указали, что немцев они долго или даже вообще не видели. Для большинства жителей деревень первое знакомство с нацистскими оккупантами произошло не при встрече ударных сил вермахта, а позже с приходом его тыловых частей. Опросы показали, что у свидетелей войны Могилевской области сложился достаточно типичный образ «старых немцев». Тут надо учитывать то, что в тыловых частях вермахта, которые преимущественно и размещались в деревнях, было много солдат и офицеров среднего возраста.

На вопрос, «как вели себя немцы в вашей деревне?», наиболее частыми были ответы: «Забирали на работу в Германию», «Немцы были разные: и добрые, и злые», «Грабили», «Расстреливали в деревне жителей». Как и ожидалось, наименьшее количество голосов набрали варианты ответов: «охраняли от партизан»; «покупали продовольствие»; «уважали население».

На вопрос, «как вели себя немцы в вашей деревне?», наиболее типичными были ответы:

районы / варианты ответов	Глусский	Дрибинский	Могилёвский	Шкловский
	%	%	%	%
Немцы были разные: и добрые, и злые	45,2	50	50	61
Забирали на работу в Германию	61,9	59,6	56,4	52,5
Расстреливали в деревне жителей	50	17,3	39,4	30,5
Грабили	47,6	42,3%	41,5	54

Как видно, на этот вопрос почти две трети опрошенных сельчан Шкловского района выбрали вариант ответа: «Немцы были разные: и хорошие и злые». Даже ответ о «грабеже немцами населения», занял лишь второе место.

На отсутствие помощи немцев семьи или односельчанам указали две трети респондентов Шкловского района, но неожиданно много - каждый третий опрошенный упомянул факты помощи немцами местному населению. Это несколько выше, чем в других регионах области [5].

Половина информантов Дрибинского района согласилась с ответом, что немцы были разные. Указали на то, что немцы грабили население их деревни две пятых свидетелей войны, а еще четверть опрошенных отметили, что немцы «брали налоги». Почти две трети вспомнили то, что немцы забирали из их сел жителей на работу в Германию. Одна из опрошенных сказала: «Сожалею, что брат в Германию не попал, так как там все выжили, а он на фронте погиб». Наименьшее количество голосов - 1, как и ожидалось, набрал вариант: «Уважали население». Две трети респондентов указала, что не помнят случая, чтобы немцы помогали местному населению. Тем не менее, каждый десятый человек вспомнили факты помощи пищей и одеждой [4].

Наиболее типичными в окрестностях Могилева были ответы: «Забирали на работу в Германию» - 56,4%; «Немцы были разные» - 50%; «Грабили» - 41,5%; «Расстреливали в деревне жителей» - 39,4%. Некоторые информанты в своих комментариях указывали на довольно хороши для условий войны, особенно в ее начале, поведение немцев в их деревнях: «Немцы очень не трогали» (д. Сумароково); «Немцы дали коня колхозного, вели себя очень хорошо» (д. Запатоцье); «Уважать (немцы нас - авт.) не уважали, но и грубо не относились» (д. Талпечыцы); «Пока партизан не было, то немцы меняли свои продукты на наши» (д. Прокшеничи); «Стояла на нашем дворе кухня. Они дали ведро пищи, чтобы детей накормила. Не грабили, но брали кур, просили яиц. По два десятка вынивали» (пос. Захват) и т.д. В Буйничах французы и немцы нередко угощали детей: «Французы жили в нашей хате и угощали жареными лягушками. Ловили их в Днепре» [2].

По мере нарастания боевых действий ситуация стала меняться. Участились расстрелы мирных жителей, угоны населения в Германию. «Сразу немцев совершенно не боялись. А тогда, когда партизаны стали подрывы делать, тогда немцы начали курить (сжигать – авт.) деревни. И их уже боялись» (д. Селище); «Били палками за отказ от работы... Немцы боялись тифа, то которые специально делали вид больных» (д. Салтановка) [2].

Мощное партизанское движение на территории Глусского района предопределило особенности жизни населения в годы войны. Так, несмотря на

то, что 8 информантов указала на факты единичной помощи со стороны оккупантов местным жителям, опрос показал тут наиболее негативные оценки поведения оккупантов. Обращает на себя внимание гораздо большее количество тех, кто указал на расстрелы оккупантами крестьян. Не случайно встречаются такие характеристики: «Немцы были взаправдашние фашисты. Ненавидим их» (д. Баянава); «Варвары XX века приезжают и все сжигают. Чего они пришли сюда к лапцёжникам?» (д. Заракуша). При этом местные жители, что войска СС свирепствовали, а вот обычные военные вели себя относительно мирно: «Немцы были как русские - делали свою работу. Были хорошие, а были и злые» (пос. Дзержинский); «Регулярные не трогали население, только СС» (д. Холопеничи) [6]. В целом, полевые наблюдения в Глусском районе обнаружили большее, чем в северных районах области, количество жертв нацизма в деревнях, а воспоминания подтвердили эти выводы. Почти в каждой деревне южной Могилевщины можно насчитать десятки замученных оккупантами мирных граждан.

Не часто, но информанты указывали на присутствие оккупационных формирований и других национальностей: финнов, французов, чехов и т.д. Нередко отмечают их более жестокое, по сравнению с немецкими солдатами, отношение к местному беларускому населению: «Хуже были французы. Догоняли нас, били деревяшками» (пос. Захват); «Французы были более вредные» (д. Лубнишча). Отметим, что из воспоминаний жителей сегодня трудно понять, это были немцы из бывших французских провинций Лотарингия и Эльзас, или добровольцы из оккупированной Франции [2]. Хотя в поселке Дзержинский наоборот говорили: «Чехи вели себя хорошо»; «Немцы некоторые были злые, а чехи были не так злые, проходили мимо и не жгли дома в деревне...» [6].

На отсутствие помощи со стороны немцев ожидаемо указало большинство респондентов всех регионов. Иногда вопрос даже вызывал недоумение. Тем не менее, называлась помощь оккупантов лекарствами и едой, в особенности в тех домах, где проживали в годы войны немецкие солдаты и офицеры. Так, 12% опрошенных жителей Могилевского района упомянули факты помощи их семьи, или соседям, а 18,1% не определились с ответом. «Мама Гордеевой Марины дала немцу попить воды. Он попил, разрыдался и показал фотографию своей жены с детьми». Жители деревни Булыжыцы вспоминали: «Конфеты дадут, вкусные не нынешние, накормят кашей...» [2] Примечательно, что в

интервью эти же информанты часто указывают, что оккупанты им не помогали. Конфеты в сознании многих белорусов не являются помощью, а просто угощением.

Здесь нужно учитывать то, что в тыловых частях вермахта, которые преимущественно и располагались в деревнях, было много солдат и офицеров среднего и пожилого возрастов, которые имели собственные семьи в Германии. Именно они показывали фотоснимки своих детей, плакали, вспоминали свои семьи, а потом нередко давали конфеты детям, что последние хорошо запомнили.

Полиция. Ответ на вопрос «служил кто-нибудь из вашей деревни в полиции?» был не таким простым для информантов. Студенты заметили, что почти все местные жители однозначно утверждали, что полиция была, но не сразу вспоминали о полицейских из своей деревни. Типичный ответ: «Они были... не из нашей деревни». Потом некоторые из них проговаривались и вспоминали даже имена своих деревенских «полицаев». «Складывалось впечатление, - как написал в своем отчете один из практикантов, - что полицаев было много, но взялись они ниоткуда». Здесь, безусловно, следует учитывать культурные табу и стереотипы, которые существуют в нашем обществе. Надо иметь в виду и осмотрительность деревенских жителей, которые знают, что родственники тех полицейских до сих пор живут где-то рядом. Выяснилось, что и сегодня у некоторых сельских женщин существует боязнь перед возможными слухами и даже мстью со стороны потомков тех коллаборационистов.

Большинство информантов указали на наличие местной полиции. На вопрос «служил кто-нибудь из вашей деревни в полиции?» 59,5% информантов Глусского района ответили положительно, 28,6 – отрицательно. Нами были выявлены некоторые особенности мотивации службы в полиции местного населения. И в Глусском, и в Шкловском районах информанты рассказали о фактах принудительного записи в полицию местного населения. В начале оккупации были случаи, когда молодежь определенного возраста без всяких предварительных договоренностей и личного желания записывали в полицию и выдавали оружие. Некоторые воспоминания позволяют предположить, что местные жители шли в полицию и добровольно. Характеризуя полицаев некоторые жители Катковского с/с отмечали: «Местные полицаи шли в полиция добровольно, знали, кто где живет, чем занимается...» (д. Халапиничы); «Полицаи расстреливали без причины, собирали продукты, доносы писали...»

(д. Заракуша). В воспоминаниях зафиксирован ряд случаев, когда еще долгие годы после войны в лесах Глусского района скрывались бывшие полицейские. «В лесу после войны много скрывалось полицаев. По 8 лет сидели» (д. Мостище) [6].

То что, население страдало и от немцев, и от полиции не вызывает сомнений. В большинстве центральных и западных районов Могилёвщины, большинство опрошенных больше боялись полиции. Так, в Могилевском районе типичными являются следующие высказывания: «Свои полицаи за немцев хуже, страшнее» (в. Лубнице); «Полиции боялись более, ведь полиция и била, и водку требовала» (в. Язерщина); «Немцы были хорошие, а полицаи уничтожали людей» (в. Булыжицы) и т.д. [2]. Значительное превышение, тех у кого больший страх вызывали полицейские, имело в области похожее толкование: немцев можно было поддурить (обмануть – авт.), а свои знали, где в доме находятся тайники... К тому же, именно полиция исполняла самую грязную работу. В могилевско-брянском пограничье также встречаются такие объяснения, но значительно реже: «Немцев обмануть, навешать лапшу не составляло никакого труда..., а свои знали все» (д. Колодливо, Костюковичский район) [1].

Жители Глусского района рассказывали: «Палицаи расстрельвали, а немцы не ... Жестокие они (полицейские) были или выслужливые, я даже не могу сказать...» (д. Мостище); «Полиция была опасна, так как знала деревню и все дороги. Они были злые и сдавали людей немцам» (д. Слободка); «Полицаи все про всех знали, сдавали коммунистов и тех, кто им помогал» (д. Холопеничи) [6].

На этот же вопрос в Рясненском с/с Дрибинского района большинство жителей ответили, что боялись «одинаково». Многие затруднялись с ответом, так как «немцев и полицаев мы почти не видели». Возможно именно с этим связано и неожиданно большое количество тех, кто «ничего не боялся». Так ответила почти десятая часть всех опрошенных. Интересно и объяснение такого ответа: «Не боялись, потому что малые были»; «Как же мы могли бояться немцев, мы же работники – при любой власти работники».

Наибольший процент тех, кто больше боялся немцев, а не полиции наблюдался на самой границе с Брянщиной в Бельнковичском и Бороньковском сельских советах Костюковичского района. Тут было в два раза больше таких информантов. Эта «аномалия» может объясняться отсутствием местной

полицейской во многих малых деревнях: «Боялись немцев, бо полицаев у нас не было» (д. Баракашка, Костюковичский район). В других деревнях наоборот это объясняли тем, что полицейские были своими. И наконец, объяснялось это силой партизан: «Полиция сильно не орудовала, боялась партизан» (д. Трояновка, Костюковичский район). Опасения эти не были напрасными. Так, по воспоминаниям А. Емельяненко, «в Вишнях и Шаблях партизаны здеквалися (издевались – авт.) над полицейскими, пальцы отрезали им, убили и похоронили потом» (д. Шабли, Костюковичский район) [1].

Партизаны. Только несколько респондентов указала, что в окрестности не было партизан. Подавляющее большинство даже малолетних свидетелей войны либо встречалось с партизанами, либо слышало о деятельности партизан в их округе.

Отвечая на вопрос, «как вели себя партизаны в вашей деревне?», большая половина респондентов Шкловского района согласилось, что партизаны их региона боролись с фашистами. Только 12% согласились с тезисом, что были партизаны, которые «отсиживались в лесах». Почти половина информаторов указала на то, что лицо партизан был двуликим: «Были партизаны, а были и бандиты, которые только называли себя партизанами». На то, что партизаны брали у крестьян «только необходимое для себя» указала 42% респондентов, а 24% выбрали ответ «забирали последнее у крестьян». Последние видимо и имели в виду бандитов. Показательно, что 10% согласились сразу с двумя вариантами ответа.

При общем положительном отношении к партизанам в безлесной местности Шкловского района их контроль был не таким прочным и сильным, часто наблюдались случаи бандитизма. Некоторые сельчане, даже подчеркивали, что: «Банда была, а не партизаны» (д. Староселье); «Мародеры были - так грабили, а партизаны просили» (д. Волосовичи); «Вот это дьяцъвицельная правда...»; «О партизаны! Я здесь правду выскажу! Сколько у нас одежды было, все свои взяли. Люди одеждой обкручивались и ложились спать, чтобы одежду сохранить» (д. Никитиничи) [5].

В Могилевском районе практически все информанты (94,7%) указали, что были партизаны. Отвечая на вопрос, «как вели себя партизаны в вашей деревне?», около половины опрошенных жителей указала на то, что «были партизаны, а были и бандиты, которые только называли себя партизанами». Почти столько же респондентов указало, что партизаны их региона боролись с

фашистами. Каждый десятый согласился с тезисом, что были партизаны, которые «отсиживались в лесах». Почти каждый десятый указал на помощь партизан местным жителям.

На то, что партизаны брали у крестьян «только необходимое для себя» указала не намного больше опрошенных (36,2%), чем тех, кто вспоминает, что партизаны «забирали последнее у крестьян» (33%). Многие уже в начале интервью, говоря о борьбе партизан с фашистами, подчеркивали, что «взаправдашним», «дядьсвицельным», «настоящим» и т.д. партизаны воевали, но много было и бандитов: «Наши партизаны были дядьсвицельные. Они на Бельнички наступали... У нас они очень ничего не брали. Нечего было» (д. Лубнишча); «Были хорошие партизаны, а были банда. Брали кровати, соль, все забирали. Босота это» (д. Речки); «Самостоятельные партизаны не грабили» (д. Лубнишча).

В Княжеском с/с Могилевского района находилось несколько сильных нацистских гарнизонов. Жители сельского совета гораздо более критично по сравнению с большинством регионов области оценивали отношения партизан к местным жителям. Особенно контрастно выглядят следующие ответы: 30,2% опрошенных согласились с тем, что партизаны «брали у крестьян только необходимое для себя», а 48,8% утверждали, что они «забирали последнее у крестьян». Показательно, что почти каждый десятый согласился сразу с двумя вариантами ответа. «Взаправдашних партизан я видел один раз. Они не грабили, а другой и скатерть заберет, и все, что увидит» (д. Толпечыцы); «Который честный партизан, тот брал только для пропитания, а были и грабившие для своих нужд» (д. Браково) [2].

Такой высокий процент респондентов, указавших на мародерство среди партизан, зафиксированный нами на Могилевщине впервые. Объяснить это можно тем, что у Могилева было немного «своих» партизанских отрядов. Они базировались в дальних от сельского совета лесах и лишь периодически приходили для пополнения продовольственных запасов и проведения боевых операций. Сюда заходили бойцы «белыничских», «османовских» (командир Осман Касаев - авт.) и других отрядов. Между зонами, которые контролировали партизаны и оккупанты, как обычно, образовывалась «ничейная» территория, в которой было много бандитских и наполовину бандитских формирований.

Недаром, 30,8% опрошенных Могилевского района заявили, что они боялись партизан в годы войны, а не боялись только 59,6%. Страх этот только

на первый взгляд мог иметь причиной обязательно антисоветские, или пронацистские настроения населения. По объяснению информантов он имел вполне конкретные причины: «Партизан не боялись, а бандитов боялись» (д. Сеньково); «Их боялись, потому что были и бандиты» (д. Булыжицы); «Не знали кто они: бандиты или партизаны» (д. Солтановка). Жители Валок боялись партизан, так как они «требовали еду». Жительница деревни Селище вспомнила, как «партизаны хотели застрелить мою мать за брюки и козух». Страх перед партизанами очень трудно выделить из других страхов перед визитами ночных гостей [2].

К тому же, надо иметь не виду, что многие сельчане карательные акции оккупантов связывали с деятельностью партизан: «...один шкет пальнул днем в машину, а вечером приехали немцы и сожгли деревню» (д. Речки); «Партизанские лошади траву потоптали, а немцы с утра увидели и 5 домов (в наказание - авт.) сожгли» (д. Толпечыцы); «Сожгли деревню из-за партизан. Партизаны убили офицера, за это (немцы - авт.) сожгли деревню» (д. Сеньково). Визит партизан мог привести к катастрофическим для села последствиям. «Партизан боялись, потому что немцы могли обвинить в связи с партизанами» (д. Сеньково). Практиковались и ночные полицейские проверки лояльности местных жителей, когда под видом партизан к жителям наведывались переодетые полицейские. Ночных визитеров многие белорусы старались не называть партизанами: «Никак не называли, потому что боялись не так назвать» (д. Речки) [2].

Лесистость Глусского района, пригодные для размещения партизан места помогали формированию сильного партизанского движения. Девять из десяти информантов указали, что в окрестности были партизаны. Эти проценты мало отличаются от других регионов. Но в малалесных районах партизаны зачастую приходили в деревни за продовольствием, а базировались далеко. В Глусском районе ситуация была иной. Относительно большое количество местных партизан предопределило и более позитивные отношения к ним со стороны их же семей и родственников. Тут 57,1% опрошенных указали, что партизаны боролись с фашистами, и только 19%, что они отсиживались в лесах. Большинство - 42,9% говорило, что они «брали у крестьян только необходимое для себя», 14,3% согласились, что были партизаны, которые «забирали у крестьян последнее». Такой популярный в других регионах ответ: «Были партизаны, а были и бандиты, которые только называли себя партизанами»

здесь поддержали только 4 информанта, зато 31% утверждали, что партизаны помогали жителям, что мало характерно для северных регионов Могилевской области, жители которых посмеиваясь отвечали: «Ну чем нам могли помочь партизаны? Им самим нужно было помогать».

Безусловно, образ партизан и в Глусском районе далеко не идеальный. Так, дед из деревни Котика на предложение рассказать о войне сразу сказал: «Если я вам правду расскажу, то меня сразу посадят!» Но желание высказаться пересилило страх и он свою правду о партизанах выдал: «Всекие партизаны были. Кого то мы боялись, кого то - нет... Они в наш дом бросили гранату. Сожгли около 30 домов в деревне. Дважды партизанами был сожжен наш дом!»

В большинстве регионов Могилевской области ответ на вопрос «Кого больше боялись во время оккупации партизан или немцев?» был предсказуемым. Подавляющее большинство однозначно указывало, что боялись немцев. Даже удивлялись студенческой наивности. Типичный ответ: «Ну, что вы, детки? Конечно немцев! Партизаны, это же наши...», «Странные вопросы Вы задаете...»; «Партизан не боялись, так как они были же свои ребята». И тем не менее, многие информанты Шкловского района указали в различных вариантах, что немцев боялись днем, а партизан ночью.

В партизанском Глусском районе никто не заявил, что больше боялся партизан. «Партизаны были свои, что их бояться? » (Д. Холопеничи). Только трое информантов указала, что «немцев боялись днем, а партизан ночью». Иногда информанты давали интересные объяснения своей позиции: «Партизан мы не боялись. Они хоть и грабили население, но были своими, а немцы и много убивали»; «Боялись мы одинаково и немцев, и партизан, так как все передевались и непонятно было кто есть кто...» (д. Замосточье) [6].

Безусловно, на Могилевщине, как и по всей Беларуси, можно сделать подборку фактов уничтожения партизанами коллобарационистов, или людей которые в этом подозревались. Наши попытки выявить реальные размеры партизанского «террора», показали, что они в некоторых новейших публикациях значительно преувеличены. Частично виноваты в создании новых мифологема о «партизанах-карателя», как нам представляется, и сами партизаны. В своих отчетах они нередко значительно преувеличивали количество убитых немецких солдат и расстрелянных коллаборационистов. Кажется, именно это и ввело в заблуждение некоторых современных

исследователей, которые изображают партизан преимущественно черными красками.

Наши попытки выявить реальные размеры партизанского «террора», показали, что они в некоторых новейших публикациях значительно преувеличены. Реально в Старосельском с/с Шкловского района нами обнаружен один конкретный факт, который подтвердили более трех свидетелей, расстрела партизанами мирных жителей - семьи полицейского. Еще в одном случае два информаторы утверждали, что такое было. В двух случаях мнения односельчан разделились.

Иногда очень трудно понять к какой категории можно отнести случаи «террора». Особенно яркий пример был записан в деревне Малые Словени Шкловского района: «Были случаем, что едут на лошадях, грабят все: дубленки, обувь, иглы, Так это разве партизаны? Приехала банда. Заходят в дом и давай брать: гармошку взяли, хлеба, соли. Все брали. Если честный партизан, то попросит, дай бабушка то. А позже взаправдашние партизаны приехали. Брат говорит, что только те уехали. А куда поехали? Туда! А мы их догоним! Поехали и постреляли (бандитов - авт.). Гармошку вернули. Одному бандиту в горло заперли рога». Надо отметить, что бандитов уже из деревни Словени упоминали жители Сапронек.

В Словенском с/с нами зафиксированы два утверждения о расстреле мирных жителей партизанами. Один уже приведенный случай расстрела мародеров около деревни Словени. Еще в одном случае отдельные жители села Каменка утверждали, что партизан забирал корову и застрелил бабу, которая кричала и не отдавала ее.

В Ряснянском сельском совете Дрибинского района в 8 интервью упоминаются случаи партизанского террора. Но реально в нами обнаружен только один конкретный факт, подтвердивших четыре человека, расстрела мирного жителя - «деда Исака». Этот случай стал широко известен в округе. В двух других случаях мнения односельчан разделились. По одному информантов говорили о других фактах расстрела партизанами помощников фашистов: убийстве лесника, который мог выдать партизанскую базу, и семьи полицейского. Но другие информаторы из этих и соседних деревень не подтвердили эти факты уничтожения тех, кого обвиняли в сотрудничестве с нацистами.

В Глуском районе также были жертвы партизанского террора. В деревне Бобровичи жители вспомнили трагический случай: «Одну женщину оговорили. Ее с ребенком забрали партизаны, отвели на кладбище и расстреляли. Без суда и следствия. А ребенку был год. Его обратно принесли, положили возле дома на лавку и пошли. «Но воспоминаний о таких трагических фактах в Глуском районе нами было обнаружено мало.

В целом, на индивидуальном и семейном уровнях выявилась большая степень точности воспоминаний. Значительно меньшая объективность информации была выявлена на общинном уровне. Надо учитывать также то, что опрос, по сути дела, отражает женский и детский взгляд на войну. В силу демографических особенностей в старших возрастных категориях, которых и опрашивали студенты, сегодня преобладают именно женщины. Естественно, что большинство опрошенных информантов в годы войны были подростками, или детьми. Характерно, что многие информанты отдаленных либо гарнизонных деревень на вопросы анкеты о поведении немцев и партизан давали по-советски правильные ответы, при этом сами упоминали, что немцев или партизан они почти не видели. Тут наблюдаются очевидное влияние имеющихся в обществе стереотипных представлений.

Наши попытки применения методов социологии для выяснения исторических проблем позволяют прояснить многие спорные вопросы, в которых трудно определиться с помощью традиционных методов. Нужны более широкие исследования, чтобы убедиться в том, что наши выводы по материалам Могилевской области являются типичными и подтверждаются в других регионах Беларуси и соседних регионах России. Но и ограниченные по количеству респондентов исследования показали их важность для уточнения наших представлений о событиях последней войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев, А.Г. Образы нацистских оккупантов и партизан в воспоминаниях жителей пограничных с Брянщиной районов Могилевской области / А.Г.Агеев // *Studia internationalia: Материалы II международной научной конференции "Западный регион России в международных отношениях X - XX вв."* (28 - 30 ноября 2013 г.). - Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2013. - С. 157 - 164.
2. Агееў, А.Р. Вобразы нацысцкіх акупантаў і партызан ва ўспамінах жыхароў Магілёўскага раёна – сведак Вялікай Айчыннай вайны / А.Р. Агееў // *Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зб. навук. прац VII Міжнар. навук. канф.* 29-30 чэрвеня 2011 г. г. Магілёў / уклад. А.М. Бацюкоў, І.А. Пушкін. – Магілёў: УА “МДУ імя А.А. Куляшова, 2011. - с. 232 – 238.

3. Агееў, А.Р. Вусная гісторыя як крыніца даследавання штодзённага жыцця ў гады Вялікай Айчыннай вайны / А.Р. Агееў // Актуальныя праблемы крыніцазнаўства айчыннай гісторыі : матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 450-годдзю віцебскага гарадскога права і 100-годдзю выдання першай кнігі зборніка “Полоцко-Вітебская старина”, Віцебск, 6-7 кастрычніка 2011 г. / Віц. дзярж. ун-т ; рэдкал.: А.М. Дулаў (адк. рэд.) [і інш.]. – Віцебск : УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2011. – С. 192-195.
4. Агееў, А.Р. Штодзённае жыццё вясковага насельніцтва Дрыбінскага раёна ў гады Вялікай Айчыннай вайны (па матэрыялах гісторыка-краязнаўчай практыкі студэнтаў гістфака МДУ імя А. Куляшова) / А.Р. Агееў // Романовские чтения – 7: сб. статей Международной науч. конференции / под общ. ред. А.А. Воробьева. – Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2011. – с. 45 – 46.
5. Агееў, А. Р. Штодзённае жыццё вясковага насельніцтва Шклоўскага раёна ў гады Вялікай айчыннай вайны (па матэрыялах летняй гісторыка-краязнаўчай практыкі студэнтаў гістфака МДУ імя А. Куляшова) / А. Р. Агееў // Романовские чтения – 6 (к 75-летию истор. факультета УО «МГУ им. А.А. Кулешова»): сб. статей Международной науч. конференции. – Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2010 – С. 40 – 41.
6. Агееў, А.Р. Этнаграфічныя аспекты жыцця вясковага насельніцтва Глускага раёна пад нацысцкай акупацыяй (па матэрыялах вусных крыніц сабраных у экспедыцыі 2011 г.) / А.Р. Агееў // Романовские чтения – 8: сб. статей Международной науч. конференции / под общ. ред. Я.Р. Рыера. – Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2012. – с. 140-141.
7. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941—1945: энцыклапедыя / Беларуская Савецкая Энцыклапедыя. - Мінск : БелСЭ, 1990. - 679 с.
8. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: в 3 т. / [Институт истории партии при ЦК КПБ — Филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. - Минск : Беларусь, 1983—1985.
9. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны): учебное пособие: для широкого круга читателей / А.А.Коваленя [и др.]. - Минск : Издательский центр БГУ, 2005. - 269, [2] с.

Сведения об авторе

Агеев Александр Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и специальных исторических дисциплин Могилевского государственного университета им А.А. Кулешова, e-mail: aheyeu@tut.by

В редакцию статья поступила 01.06.2019 г., опубликована:

Агеев А.А. Повседневная жизнь сельского населения восточной Беларуси в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в XXI веке – 2019 – № 12. – С.4–20